

## Эксперты специального назначения.

**Выполнят любой заказ на приговор, найдут все, что нужно.**

[Галина Мурсалиева](#) обозреватель «Новой газеты»

Уже много раз мы слышали о чудовищном абсурде, который встречается в судебных экспертизах. Цитаты на слуху. Например, листовка «Убей в себе раба!» авторами лингвистической экспертизы признана экстремистской, в ней обнаружен «призыв к насилию над самим собой». (*Ситуация связана с делом Николая Авдюшенкова, который в 2011 году был руководителем московского отделения оппозиционной партии «Другая Россия». Приговор — год условно.*)

Аналогия на поверхности, это слова Чехова: «Нужно по капле выдавливать из себя раба!». Что об этом бы сказали «лингвисты»? Извращенный экстремизм? Призыв к самоистязанию? Садомазохизм?

Но еще интереснее вопрос: какой должна быть самоидентификация авторов экспертизы, если фраза «Убей в себе раба!» вызывает у них мысли о самоистреблении? В этой же экспертизе есть еще один довод: лозунг «Убей в себе раба!» «подталкивает людей к мысли о том, что в России рабство», и призывает «на борьбу с рабством — то есть с государственным строем».

### Читайте также

[«Убей в себе раба» — призыв к насилию. Как судебная экспертиза в России превратилась в фарс. Обзор Веры Челищевой](#)

Я попросила прокомментировать это психолога. Но он, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья, ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии МГУ **Сергей Ениколопов**, вместо комментария рассказал анекдот:

— Вернулся человек с войны, собрались гости, а он говорит: «Вот что эта сволочь усатая делает!» Кто-то донес, его арестовали, и ему позвонил Сталин и спросил, кого он имел в виду. «Гитлера, конечно». Сталин потребовал передать трубку следователю и уже ему говорит: «Слушайте, а вы кого имели в виду, когда его арестовывали?»

### «Чувствую я, разжигает он»

Академический директор проекта «Экспертное сообщество и проблема прав человека в России» Дмитрий Дубровский

— Авторы лингвистической экспертизы, признавшие лозунг «Убей в себе раба!» экстремистским, хорошо известны как «эксперты по вызову следствия». Это — учитель математики, кандидат педагогических наук Наталия Крюкова и психолог, доктор культурологии Виталий Батов. Они представляли Институт культурологии РАН на момент, когда делали эту экспертизу. Последние года четыре они эксперты АНО «Центр социокультурных экспертиз» (Крюкова его и возглавляет). Собственно, на совести этих экспертов большое количество приговоров, основанных на откровениях того же рода, — рассказывает научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург), академический директор проекта «Экспертное сообщество и проблема прав человека в России» **Дмитрий Дубровский**. — То есть, грубо говоря, они — в пуле следственных органов, и такого рода пулы созданы сегодня практически уже во всех городах России.

Таких экспертов не много, но они сильно востребованы, потому что плодят какое-то невероятное количество абсурда, очень быстро пишут экспертизы, и они всегда на стороне обвинения. Дело не в том, что эксперты этих пулов выступают на стороне обвинения, там же выступают, когда речь идет действительно о виновных в преступлении, и замечательные профессионалы, коллеги-эксперты. Но если они выступают — это их мнение, созданное на основе строго научных экспертиз. «Эксперты по вызову» — другой случай. Они берутся за все, что вообще не входит в сферу их научных компетенций. Например, Наталия Крюкова, которая, повторяюсь, является учителем математики, провела вместе с двумя коллегами из АНО «Центр социокультурных экспертиз» комплексную лингвистическую религиозную судебную экспертизу и признала экстремистскими несколько брошюр, в том числе и Библию Свидетелей Иеговы. Среди экспертов не было ни религиоведов, ни лингвистов.

Основой тяжких обвинений в изготовлении детской порнографии против выдающегося поисковика, исследователя, историка, одного из создателей мемориального комплекса «Сандармох» в Карелии Юрия Дмитриева опять же стала экспертиза Наталии Крюковой. И опять в соавторстве с коллегами из того же «Центра социокультурных экспертиз». Среди этих экспертов нет ни одного сексолога или близкого к теме специалиста.

«На одном из судебных процессов несколько лет назад Наталия Крюкова объяснилась, заявив, что «по сути математика и лингвистика — это одно и то же».

**— Если продолжить эту логику, можно предположить, что и религиоведение, и сексология — по сути одно и то же, что математика?**

— Да, но дело даже не только и не столько в базовом образовании экспертов. Закон об экспертной деятельности требует от экспертизы научных исследований с применением общепризнанных лицензированных методик. У «экспертов по вызову» никаких исследований нет. Они выступают в судах вообще не как ученые, а скорее, как переводчики в юридическую плоскость определенной позиции с помощью научного языка.

**— На YouTube легко найти видео, где Наталия Крюкова говорит: «Мы имеем право позволить себе роскошь создавать новые методики. Дело в том, что материал меняется очень быстро, проходит два года и приходится перекраивать».**

— Что значит — новые методики? По закону, экспертиза по процессуальным делам должна основываться на общепринятых методиках. Также просто нонсенс — применение в судебных экспертизах методики психогерменевтики. Это наука интерпретаций и это то, что делает Виталий Батов. (Он был соавтором психолого-лингвистического исследования, которое стало решающим в обвинительном приговоре участницам группы Pussy Riot. Их обвинили в хулиганстве по мотивам религиозной ненависти и приговорили к реальным срокам.)

Учитывая, что Батов сам сказал на судебном процессе по делу «Другой России в Санкт-Петербурге» (я там присутствовал и слышал лично, это есть в протоколах суда), что он «всегда делает то, что хочет от него заказчик», можно понимать, что все его интерпретации всегда на стороне обвинения. То есть никакого отношения к специальным знаниям его экспертиза не имеет. Он обслуживает клиентов. Но доводы профессиональных экспертов о том, что эти люди по своим компетенциям не могут выступать как эксперты, были отмечены именно потому, что, мол, на их экспертизах уже вынесено более пятидесяти (!) приговоров, и «все они устояли» (то есть были подтверждены в вышестоящих судах).

Президент Национального института сексологии, доктор медицинских наук **Лев Щеглов** выступал в суде по делу историка Дмитриева со стороны защиты.

— **Вы читали экспертизу «Центра социокультурных экспертиз», представленную обвинением. Мне интересно понять, как практически это сделано, если тема далека от профессионального профиля экспертов?**

— Экспертиза делится на две части, первая — констатирующая: что и зачем исследуется. Чем длиннее эта часть, тем больше создается ощущение научности. Далее идут принятые экспертами разные определения порнографии, потому что их очень много. В этих констатирующих определениях, от которых, собственно, эксперты и должны плясать как от печки, отмечено, что порнография — это всегда действия с кем-то, в крайнем случае — с чем-то. Перед экспертами фотографии, где голый ребенок один. *(Напомню, речь идет о приемной дочери Дмитриева, страдавшей при удочерении дефицитом массы тела. Фотографии девочки хранились в личном компьютере Дмитриева в папке под названием «контроль» — то есть велся «дневник здоровья» для органов опеки и медицинских учреждений. — Г.М.)* Но вывод прямо противоположен тому, что эксперты сами же излагали в первой части: они утверждают, что фотографии являются порнографическими. Первое, что можно предположить, — у людей нарушены некие связи в сером веществе мозга, потому что логика такая: «я говорю, что дважды два четыре, и поэтому — это восемь».

### **Читайте также**

Но если бы это был медицинский случай, проблема решилась бы легко. Она не решается потому, что в экспертной деятельности главное — получить лицензию. Знаете, как называется экспертиза по делу Дмитриева? Социокультурная! У них есть такая лицензия, а дальше их привлекают как экспертов практически по любым делам, потому что в наше лицемерное время нам всегда могут сказать о чем угодно: а разве это не социокультурное явление? Например, экстремизм, секты, порнография? И вот они — специалисты в этой области. А на самом деле это карманные эксперты, которые теперь вправе давать ответы на все: какой должна быть планировка домов, как воспитывать детей, кто имеет право петь песни и каким образом можно подпрыгивать. Такой алгоритм — кафкианство, абсурд и безумие.

У человека дома фото голого ребенка, никакого отношения к уголовным делам, к юриспруденции это не имеет. Он фото не распространял, не выкладывал в интернет, никому не демонстрировал. Проблема только одна — это именно Дмитриев...

Остается еще один вопрос. Можно ли как-то применять в судебных экспертизах метод психогерменевтики? И я снова обращаюсь за комментарием к психологу Сергею Ениколопову, втайне, наверное, надеясь, что он расскажет к теме еще один анекдот. Но на этот раз он просто наглядно продемонстрировал мне, как это может быть практически:

— Я беру любой текст, читаю и вот чувствую — разжигает ненависть. Читаю дальше, чувствую — призывает к всеобщей любви. То есть я прислушиваюсь к своим чувствам, ассоциациям — герменевтика — это «искусство толкования», наука интерпретации. Это очень интересно и ценно для сценаристов, драматургов, литературоведов, психоаналитиков, философов. С помощью психологизированной герменевтики ученые, например, ищут скрытые, утраченные смыслы литературных памятников.

Но интерпретации и толкования не могут иметь доказательного статуса. Все догадки и прозрения имеют вероятностный характер, их нужно доказывать.

### **Топ-5 безумных экспертиз**

- Первое место я бы присудила экспертизе, признавшей лозунг «Убей в себе раба!» экстремистским.
- Второе место в моем условном хит-параде по праву занимает экспертиза, обнаружившая порнографию на фото ребенка (в деле историка Дмитриева).
- Третье место — «экспертиза восклицательных знаков» (по делу Мурманской молодежной правозащитной газеты).
- Четвертое место — экспертиза доцента Геленджикского филиала Кубанского государственного университета Владимира Рыбникова по лозунгу «Свободу не дают, ее берут», который использовался на митинге Новороссийского комитета по правам человека. Он обнаружил в лозунге экстремизм на основании того, что усмотрел в нем исполнение «...второй части «Плана Алена Даллеса», <...> иметь распущенную и бесконтрольную молодежь в России...». То есть считает «план Алена Даллеса» (известную фальшивку, восходящую к роману) доказательством.
- Пятое место — «чувственная» экспертиза по делу «О разжигании религиозной розни» организаторами выставок «Запретное искусство» и «Осторожно, религия». Светскую выставку современных художников анализировали эксперты, почувствовавшие оскорбление.

### «Обмани меня научно»

Я попросила адвокатов и специалистов-исследователей, которые часто выступают в судах, прислать примеры самых абсурдных судебных экспертиз. Они меня завалили невероятным количеством перлов горячего бреда. Я увидела в них одну закономерность: практически в каждом было упоминание чего-то скрытого — скрытая убежденность, скрытые намерения, скрытые призывы. Но как они это обнаруживают?

Например, по восклицательным знакам.

*«В текстах и заголовках «Международной правозащитной газеты» СКРЫТЫЕ призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации заключаются в многократном требовании «свободы» и «прав».*

*Наличие многократного повтора восклицательного знака на титульной странице, пунктуационного знака, выражающего чувства, экспрессию, призыв, побуждение, свидетельствует о СКРЫТОМ призыве, побуждении добиться, достичь, получить свободу».*

*(Из экспертизы кандидата филологических наук, преподавателя Мурманского гуманитарного университета Л.В. Горбань по делу Мурманской молодежной правозащитной газеты.)*

Еще пример — из заключения экспертов по делу «О разжигании религиозной розни» организаторами выставок «Запретное искусство» и «Осторожно, религия»: «латентным (то есть СКРЫТЫМ) содержанием экспоната является *десакрализация*...». В этой же экспертизе один из авторов признается, что обычные методы анализа нельзя применять, когда задеты чувства верующих православных.

— Любые чувства, которые мешают эксперту применять методы анализа, свидетельствуют о небеспристрастности и ведут к односторонним выводам, — говорит доктор психологических наук, профессор, зав. Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ **Дмитрий Леонтьев**.

— Есть две разновидности экспертизы. Одна узкоспециальная, основанная на углубленных знаниях и изощренных технологиях, например, дактилоскопическая, баллистическая или

генетическая. В них можно получить практически точный, достоверный ответ, и здесь нельзя изобразить профессионализм при его отсутствии. Другая, комплексная гуманитарная, в том числе лингвистическая и психолингвистическая, предназначена для того, чтобы получить ответ на вопрос, на который точного, достоверного ответа не существует. И все существующие методы могут помочь дать лишь предположительный ответ. Такой ответ дается персонально экспертом, несущим личную ответственность за свое заключение, и суд должен оценивать степень его аргументированности и, в свою очередь, принять на себя ответственность за это.

Я думаю, многие наши беды связаны с идеей лицензирования определенных экспертов, и тем более юридических лиц. Это позволяет обращаться за экспертизой не к ученым, а к тем, кто, получает «корочки» и заранее назначается носителем истины по сложным, неоднозначным вопросам.

Суть экспертизы — не в самом заключении, а в строгом следовании определенной методической процедуре, а хороший эксперт — не тот, у кого все в порядке «с бумажками». А тот, кто владеет научными методами, их последовательно применяет и выводит свое заключение из их применения, причем вся эта цепочка обязательно должна быть на сцене, а не за ней. Только та логика, по которой эксперт движется к своим выводам (или ее отсутствие, или однобокость), может показать, что перед нами качественная экспертиза или графомания. Ни выводы, ни регалии делающего их человека ничего об этом не говорят

— Эксперт должен быть в нулевой заинтересованности. Не существует методик для однозначного чтения мыслей, — говорит Сергей Ениколопов. — Если ты утверждаешь, что знаешь некий скрытый смысл призыва или догадался о скрытых убеждениях, докажи это. Должна быть исследовательская часть, в которой ты показываешь, каким способом, с помощью какой методики получен вывод. То есть не внутренние убеждения и чувства экспертов нужны, а знания. А что такое скрытое убеждение? Скрытое от кого? Они сами-то знают про свои скрытые убеждения? Это все становится возможным там, где речь идет об экспертизе текста, устного или письменного, — именно здесь начинается предельный субъективизм.

Большая часть вопросов, которые здесь перед экспертами стоят: являются ли те или иные призывы действенными? Я могу, разозлившись, кому-то сказать, что при встрече набью ему морду. Это вербальная агрессия? Да! Но человек понимает, что это в сердцах сказано. Промежуточная часть — что действительно, а что нет, у экспертов исчезает. Признаки физиологического аффекта четко определены, перечислены, и если они есть в материалах дела, то что тут оспаривать? А когда ничего нет, а есть лозунг, эксперт начинает излагать свои субъективные ощущения, приписывая собственные чувства или то, что нужно тем, кого он обслуживает. Где доказательства общепризнанного психолингвистического метода? Я бы советовал адвокатам взять на вооружение этот вопрос.

**— Даже гениальные догадки доктора Лайтмана в фильме «Обмани меня» не используются в качестве доказательства. Почему абсурдные догадки наших экспертов становятся основой для судебных приговоров?**

— Потому что месседж следователя эксперту в большом числе случаев: «Я сам обманываться рад. Помогите, обмани меня научно». Понимаете, в 99% случаев эта экспертиза не нужна вообще. Российский эксперт — любой, даже самый плохой — ставится в глупое положение, — говорит Дмитрий Дубровский. — Ему отправляют, например, выражение «бей нерусских» и ставится вопрос: разжигает ли это национальную рознь? Но какие, собственно, специальные знания нужны для того, чтобы правильно понять эту фразу? Следователь не способен понять этот однозначный текст? Что в такой ситуации должны делать эксперты? Они формализуют здравый смысл или плодят абсурд, но в любом случае становятся переводчиками с русского на русский. Со словарем потому, что любят всюду вставлять, где надо и где не надо, пространственные словарные статьи.

Суд и следствие сбрасывают на эксперта вопрос, который они должны решать сами. Вообще вопрос социальной опасности — разжигает или нет — это не вопрос к эксперту. Это должен решать судья на основании своего личного опыта, рапортов, он должен оценить по совокупности всех доказательств в определенном контексте, учитывая аудиторию и все то, что имеет название «рабатские принципы». Это набор критериев оценки социальной опасности текста, которые создали эксперты ООН по правам человека из разных стран мира, — инструмент, помогающий оценивать опасность определенного текста так, чтобы не нарушать свобод и в то же время оградить граждан от нагнетания ненависти и всякого рода подстрекательств к разрушительным действиям. Если эти принципы посмотреть, то у нас почти всех, кого по 282-й статье посадили, нужно выпускать. У нас, если написал блогер «давайте всех убивать», — это однозначный призыв, его вполне могут посадить. А по принципам экспертов ООН нужно ответить на целый ряд вопросов, прежде чем ответить на вопрос, действительно ли есть общественная опасность в словах этого блогера? Целый ряд критериев: кто он? Важен уровень репутации. Если политик или известное медийное лицо и у него тысячи подписчиков — это одно дело. А может быть, это человек, у которого всего два подписчика и у него просто было плохое настроение. Важно, где сказано, те же слова на митинге, где много взвинченных и пьяных, прозвучат иначе. В российских судах эти вопросы не учитываются, к сожалению, никак, перед экспертом ставится вопрос: есть призыв? Есть. И на этом деятельность суда по оценке социальной опасности того или иного текста заканчивается — дальше начинается просто технологическая процедура перевода этой экспертизы в обвинение (иногда выводы экспертизы попадают в приговор просто в неизменном виде).

Человека могут осудить, и осуждают за высказывание, не оценивая контекст. Формально да — высказывание плохое. Но надо оценивать не только высказывание, но и все обстоятельства — так должно быть, по логике и по духу закона.

«А у нас открыт ящик Пандоры, у нас «эксперты по вызову», по сути, пишут приговоры. Ни доказательств, ни состязательности процесса».

Не то чтобы суд совсем не допускал у нас альтернативных выступлений исследователей со стороны адвоката. Внешне ничего не нарушается. Проблема в том, что суд приобщает к делу материалы исследователя не как альтернативу экспертизе, а как иные доказательства.

### **Что может защита**

— **Что в такой ситуации может защита? Как спасти невиновных?** — спрашиваю известного адвоката **Илью Новикова**.

— Это такой киношный подход к адвокату: если невиновного осудили, то адвокат как рыцарь на белом коне влетит и все исправит. Адвокатура наша во многом паллиативна. Мы боремся не за победу, а за облегчение положения подзащитного. Если его хотят посадить там по второй части, а мы добиваемся, что его сажают по первой, и он может выйти по УДО — это для него гораздо полезнее, чем если бы мы все 10 лет, пока он сидит, бегали по инстанциям и доказывали, что он полностью не виновен.

Я когда думал год назад: уезжать — не уезжать, решил остаться по той причине, что хочу попробовать поработать в районном суде присяжных. У нас с 2018 года суд присяжных, который сегодня существует только в областных судах, должен опуститься на ступеньку ниже и заработать в районных судах. Там все эти сноровки прокурорские и судейские, связанные с затыканием рта защите, еще далеко не так отработаны. Может быть, с этого начнется какое-то улучшение. Потому что присяжному бредовая экспертиза точно не понравится, и чем больше ее принесет обвинение, тем больше она будет работать на защиту.

**P.S.**

*Я позвонила в АНО «Центр социокультурных экспертиз». Попросила к телефону Виталия Батова. Мне ответили, что он уехал надолго и в ближайшее время поговорить с ним не удастся.*

*Тогда я попросила к телефону Наталию Крюкову, и выяснилось, что именно с ней я и говорю. Я представилась, сказала, что готовлю материал об экспертизах и хотела бы взять у нее интервью. В ответ она сказала, что я тем самым хочу оказать на нее давление как на эксперта, поскольку суды, в которых она принимает участие в этом статусе, еще не окончены. И что на этот разговор с ней ссылаться не надо, в противном случае «мы будем разговаривать в другом месте...»*

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/15/73854-eksperty-spetsialnogo-naznacheniya>